

«В складах занавеса живет пленительная тайна» — как говорят и пишут восторженные любители-театралы. Николай Алексеевич Нехаенко, директор производственного комбината Союза театральных деятелей Казахстана, выражается спокойнее: драпировка. Нехаенко и подчиненные ему работники одевают сцену. Шьют занавесы, задники, падуги... Заказов тьма. «Волнующий запах кулис» стоит хороших денег, а деньги, известно, не пахнут. Так не переплачивают ли заказчики? Все ли тут чисто и законно? Решили проверить. И — ревизия за ревизией. Чтoб никаки тайн в складах занавеса! За три года — пятьдесят шесть проверок! «Копают и копают», — сказал мне директор, — не устанут никак».

Несчастный случай, подумал я. Попал человек под подозрение, как под трамвай. Это бывает, увы. Логика и здравый смысл ничего тут не скажут — предубеждения тем и сильны, что объяснению не поддаются. Но нет. Х. Джумадулаев, председатель Калининского районного комитета народного контроля г. Алма-Аты, все толково объяснил: «Этот Нехаенко... Вы, наверное, тоже заметили!» И поделился своим наблюдением, а может, и открытием: «Не тот человек». И повторил еще раз со значением: «Не тот. Не соответствует духу времени».

Скажи он, что директор худо руководит или что в рюмку заглядывает чаще, чем в цехи, или там возраст, здоровье, не знаю, что еще... Скажи он мне все это, и я бы понял, постарался понять. Но тут... Новый вид служебного несоответствия.

ВООБЩЕ-ТО есть основания полагать, что Николай Алексеевич Нехаенко с той поры, как вошел в сознательный возраст, всегда и неизменно соответствовал времени своему. Скажем, с сорок первого года по сорок пятый. Сибиряк, деревенский, он призвался перед войной, стал отменным снайпером. Полк располагался на Алтае, раздалось. «По ваго-нам!» — И идущий на фронт эшелон, набирая скорость, не позволил рядовому Нехаенко отстать от времени. Он соответствовал ему под Смоленском, в боях на Брянском направлении и когда на фронте вступал в партию... Войну закончил подполковником. Четыре боевых ордена, медали — служебной характеристики лучше, чем эта, не сочинишь.

Две звезды на погонах и двадцать шесть годов от роду обещали военную карьеру, но нет, потянуло из строя: окончил заочно историко-филологический факультет пединститута и подал в отставку. В Алма-Ате живет уже тридцать лет. Все эти годы, чем умел, служил сцене: заместителем директора Театра оперы и балета, директором республиканского ансамбля песни и танца, заместителем директора Русского театра драмы, ответственным секретарем Казахского театрального общества. Последние четырнадцать лет руководит комбинатом. И всюду был ко двору, всюду справлялся, но теперь...

Я не знал, что и думать. Может, начал сдавать, все-таки шестьдесят шесть, и нервы война потрепала, и хватка хозяйственная, наверное, уже не та — время и вправду аттестует нас лучше любой комиссии.

— Буду у вас в четырнадцать ноль-ноль, — сказал он, позвонив мне в гостиницу. Я оценил: не «часы в два» и не «после обеда»... Похоже, сильна армейская привычка не фамилльярничать со временем.

Ровно в четырнадцать ноль-ноль, минута в минуту, раздался стук в дверь.

— Нехаенко Николай Алексеевич, — четко, отрывисто отрекомендовался гость. Казалось, даже прищелкнул каблучками.

Был он крепок и моложав: военная выправка стройнила уже полнеющую его фигуру, словно тянула вверх, а роста он был неболь-

шого. О здоровье доложил: «Пока держусь, не спазит бы».

В своем письме в редакцию он написал: «Нарушений, злоупотреблений, отклонений от норм морали никогда не допускал и не допускаю. За что же со мной так? Ведь поставлены под сомнение моя честь как гражданина, достоинство офицера-фронтовика».

Теперь он сидел передо мной, напряженный и взволнованный. Сидел и ждал помощи.

— Годы мои, конечно... — тут он вздохнул. — Так будьте же людьми, скажите: пора, мол, спасибо за работу... И я пойму. Не страшно уйти по-человечески, страшно, когда вот так. У меня внук, в четвертый класс пошел. «Деда, тебя арестуют?»

Он вдруг ссутулился: голова ушла в плечи. Я смотрел на него и тоже думал: за что?

ДАВАЙТЕ определим позиции. Как говорится, сверим наши часы.

Время стало строже, с этим не поспоришь. Хочешь не хочешь, а надо ему соответствовать, что не всем удастся, и это тоже факт. Руководящих болтунов и бездельников если

ДРАПИРОВКА

прежде и привечали, то ныне терпеть не намерены. Не всех, но многих из них уже оставили в сторону, не дожидаясь, когда те сами попросят отставки.

В духе времени это? Наверное, да. Во всяком случае никак ему не противоречит.

А злоупотребляющие властью корыстолюбцы — они ли достойны пощад? Нет, время и к ним предъявляет суровый счет, и опять выходит, что спорить нам не о чем. Наконец, добросовестные, но ослабевшие, живущие по инерции работники. Этим дан шанс. Обретут силу, поднимут дело и себя — так держать. А будут и дальше тормозить — в сторону.

Спора, как видите, нет. Все резоны и доводы приверженцев духа времени я заранее принимаю. Принципиально мы на одних позициях. С этих позиций и посмотрим, что же произошло.

Я не сказал: комбинат шьет и одежду. Камзолы, бешметы, тюбетейки, ичиги... «А кто лучше сошьет малахай — казах или русский?» — неотразимым этим вопросом озадачил меня уже знакомый читателю председатель районного КНК Х. Джумадулаев. Намек прозрачнее некуда: директор Нехаенко ничего не смыслит в казахском национальном костюме. Некомпетентности!

Что возразить на это? Первое, что приходит в голову: лучше сошьет тот, кто лучше умеет шить. К тому же директор сам не сточит на машинке, у него иные обязанности. И как быть с русским, украинским, другими национальными костюмами, их тоже здесь делают на заказ, как и фракки, сюртуки, смокинги. Евгений Онегин и Козы Корпеш. Кармен и мадам Баттерфляй одеваются у одного портного, имя которому — производственный комбинат. Кстати сказать, коллектив интернациональный, среди работников — казахи, уйгуры, немцы, русские... Работают дружно и дело свое делают по высшему классу. Закройщики из городских ателье «люкс» обивают пороги: возьми! Да не всякого берут, не всякий годится художнику в соавторы.

Я ходил по цехам. Пестрый гардероб всех времен и народов являлся глазу в парче и ситце, бархате и грубой холстине... Фрачные пары соседствовали на вешалке с рус-

скими сарафанами, английские ботфорты тяжело возвышались над мягкими ичигами с загнутыми носками. Пахло гладкой, строчили машинки...

Ермек Серкебаев, Бибигуль Тулегенова, Роза Рымбаева, народные, заслуженные и без званий приходят сюда. Костюм рождается в муках и спорах, потому что он тоже — искусство.

Выходит, в некомпетентности директора не обвинишь? Но, может, он... не знаю уже, что и предположить. С людьми не в ладах? Рассорил коллектив? Сеет раздоры и склоку? Тогда да, явное несоответствие, веский повод к оргвыводам.

Так что же?

— Думала, досижу до пенсии — и до свидания, — говорила мне Галина Григорьевна Гуменюк, вышивальщица. — А срок пришел — не могу. Все свои, все родные, столько лет вместе...

Так и осталась. На пенсию отправилась другая швея, Исаева. Правда, в цехе теперь работает ее дочь Людмила. К самодуру-директору, в коллектив, раздираемый склокой, род-

ную дочь не приведешь. А тут я встретил настоящие династии. Работают Ирма Антоновна Шнайдер, мастер цеха головных уборов, и дочь ее Ирина, вышивальщица. Работают сестры Кембаевы — Гуля, Фая и Алия. Зарабатывают, что тоже не пустяк, до двухсот пятидесяти, иногда и под триста.

— Женский батальон, — сказал Нехаенко. — А не трудно командовать?

— Как вам сказать... Человек я, конечно, армейский, но тут — ни-ни... Только лаской. «Людочка, ты ж моя золотая...» Понима-а-ют...

Так и работают. Сто шестьдесят пять человек.

КТО ИЩЕТ, тот найдет. Старая истина эта хороша до известных пределов. Искателям кладов она — доброе напутствие. А в ревизорской практике, например, руководствоваться ею опасно. Установка найти, непременно найти компрометирующий материал (компромат, как говаривали когда-то) может далеко завести. Люди не ангелы, это верно. Но приступить к проверке, проникнувшись этим убеждением как боевой программой действий, по меньшей мере безответственно. Появились энергичные деятели, присвоившие себе право казнить и миловать не именем закона, а именем общественного обновления, которое толкуют так, как им удобно и выгодно. Под благородным покровом слов о перестройке укрылись те, кто перестраиваться как раз не намерен. Кто, вооружившись современными лозунгами, не только обороняет вчерашний окоп, но и дерзко идет в наступление. Продолжается трудная борьба за оздоровление нашего общества. Но те, против кого она направлена, оснастились нашим же оружием и под флагом перестройки плетут служебные интриги, покровительствуют «своим» людям, сводят счесть с неугодными. Как же опасно все это! Опасно не только последствиями, но прежде всего тем, что не сразу распознаваемо.

РАБОТУ Нехаенко проверяли с пристрастием. Искали «несоответствия духу времени». Искали долго. Наконец осенило: почему основной показатель на комбинате не растет? Как был 1 миллион 200 тысяч (годовой

объем продукции), так и идет из пятилетки в пятилетку. Где ускорение?

Он ответил: республике пока не требуется столько кринолинов и смокингов, чтобы производить их ударными темпами и наращивать выпуск год от года. Производство не серийное, а штучное. Вот Театр имени Абая накануне гастролей в ГДР заказал на «Онегина» 170 франков — значит больше не надет.

Не вняли. «Не поняли», что директор комбината нормально работает, а не пускает пыль в глаза. В этой спокойной, несуетной, исполненной достоинства работе, не приправленной ни дутыми починами, ни пустопорожными обаятельными, прочитывался вызов. Вызов тем, кто имитирует бурную деятельность, обозначая верность духу времени.

Почему бязь реализована на сторону? Где режим экономии?

Он терпеливо объяснил: бязь шла на изготовление декоративных ковров. Был цех шелкографии, его закрыли, и на складе остались нереализованные запасы. Ткань залежалась, теряла товарный вид. И, получив разрешение президиума тогдашнего театраль-

ного общества, директор уступил фондовый материал киргизским коллегам, а заодно принял заказ на пошив простыней для авиаотряда. Какое же расточительство? Наоборот, и план выполнил, и не дал пропасть добру.

Не сочли убедительным. «Не заметили», что тот, кого обвиняли в бесхозяйственности, он-то и есть настоящий хозяин, предприимчивый и оборотистый.

Почему, премируя работников, применил коэффициент не 0,5, а 0,6 и переплатил 2.880 руб. 46 коп.? Где финансовая дисциплина?

Он растолковал: никакой самостоятельности — положение о премировании утверждено президиумом КазТО и согласовано с республиканским комитетом профсоюза. Выполнение особо важных заказов премируется по высшему коэффициенту. Такие заказы комбинат как раз и выполнял: оформили несколько юбилейных концертов, пошили сценические костюмы артистам, выезжающим на гастроли за рубеж. Значит, вознаграждение законно. Да, стимулировал работников рублем, а чем бы вы хотели — духом святым?

Но честные, резонные объяснения эти не внушили доверия проверяющим.

Накопилось, накопилось, слепилось в плотный ком... Постановление Калининского районного КНК заканчивалось так: «...материалы проверок производственного комбината Казахского театрального общества направить в прокуратуру района. Председатель комитета Х. Джумадулаев».

Допросы и очные ставки ему устраивали даже по воскресеньям. Он высиживал в коридоре у кабинета следователя по четыре-пять часов. Дозревал. Суровым был следователь Т. Рамбеков, но добрым: он позволял-таки производить опись имущества в квартире Нехаенко, когда дома не будет дочери и внука, и привлекать в качестве понятых сторонних людей, а не соседей (сначала не позволял). Имущества не набралось даже на три тысячи. Но дело... Дело распухло до трех томов.

Суровым был следователь Т. Рамбеков, но не без слабостей. Он устал притворяться, будто всеизвед расследует несерьезное это дело и, осознав совершенную бесплодность энергич-

ных своих усилий, прекратил его за отсутствием состава преступления. Таков он был, этот следователь Т. Рамбеков.

И остался лишь сущий пустяк: взыскать с директора комбината Нехаенко Н. А. 8.457 руб. 66 коп. Он ахнул: «Это что же, я столько украл?!» Ему объяснили, как маленькому: 8.457 руб. 66 коп. — сумма ущерба. Тут и все та же бязь, и переплата премиальных, и 207 руб. за «незаконную» надбавку мастеру обувного цеха — неужто забыли, Николай Алексеевич?

Поразительная юридическая безграмотность. Гражданский иск Калининской районной прокуратуры никак не вытекает из материалов дела. Что за логика: состав преступления отсутствует, но будьте любезны возместить «ущерб».

Суд отказал в иске, признав действия директора абсолютно законными.

И вопарились перемирие, но столь шаткое, что для нового столкновения требовался лишь повод. И повод возник: Николай Алексеевич напечатал в республиканской партийной газете статью «Стареющая сцена». «Сама жизнь, — писал он, — ставит на повестку дня вопрос о коренной реконструкции и оборудовании устаревших сценических площадок...» Нехаенко резко критиковал рутинные проекты местных архитекторов, адресовал упреки отделам и управлениям Госстроя республики, Министерства культуры... «К сожалению, к работе этой в большинстве своем привлекаются люди несведущие... слабо себе представляющие само предназначение служб и помещений, которые проектируют. И случаются в результате всего этого новые ошибки, на поправку которых позднее приходится тратить десятки тысяч рублей государственных...»

И теперь его снова «дожимают» проверки. Контора Госбанка, райфо, ОБХСС, техническая и санитарная инспекции, пожарный надзор... Проверяющие работают, расталкивая друг друга локтями. Случается, сходятся двести комиссии одновременно.

Он не уходит «по собственному». «Теперь не могу, — сказал мне. — Теперь никак нельзя».

Да, совсем немолодой уже этот человек вопреки расхожим представлениям несет в себе дух молодости в подходах к делу, искреннюю жажду обновления не только «стареющей сцены», но и обветшалых привычек, взглядов, психологии. Потому и мешают он тем, чьи ум и деловая энергия давно «на пенсии». Потому и атакуют его эти люди, расчетливо беря в союзники не что-нибудь, а время. «Не соответствует духу времени» — куда ты сегодня с таким языком?!

Опасно, когда высокие идеи и понятия берутся напрокат для мелких и суетных целей, когда ими прикрывают неблагородные намерения и поступки.

Перестройка идет, и процессы ее необратимы. Общество избавляется от бюрократов, бездельников, пустословов. Уходят и те, кто достойно свое отработал, но чьи годы, здоровье не позволяют держать ритм сегодняшнего и завтрашнего дня. Все это естественно и необходимо при одном лишь условии: в каждом подобном случае должна быть соблюдена строгая и точная мера справедливости, законности, деликатности, наконец... Чтобы исключить ситуации, когда высокими словами драпируются низкие цели.

Да, невелик производственный комбинат, одевающий сцену и артистов. Для сюжета можно было бы подобрать предприятие и по масштабу. Также, где ветры перемен гуляют по просторам цехов, где не полтора, а тысячи рабочих. Можно бы, выбор богатый. Но разговор сейчас не о чудо-технике, не о темпах интенсификации, а о человеческой судьбе. Полагаю, это тоже достаточно масштабно.

Валерий ВЫЖУТОВИЧ.

АЛМА-АТА.